

«Прекрасным июльским вечером я еду на «Мерседесе».

Ее желание под номером три.

«Мерсичек» — точно, как мечтала. Вызывающе красный, двухцветная кожа салона, акустическая система, разгон до ста километров в час за считанные секунды.

Платеж — девяносто четыре тысячи в месяц. И сейчас ее любимчика, зависть всего двора, спортивный CLA-200, грузили на эвакуатор.

Вокруг соседи толпятся, языками чешут. С пятого этажа особо не разглядишь, но не сомневалась: рожки у всех злорадные.

И тринадцатый айфон про макс (желание номер шесть) лежит молча. Лучший в мире мужчина (в списке мечтаний первый) уже пятый день не звонит. Зато от бухгалтерши десяток пропущенных. Поставщик ждет оплату, сотрудники хотят полчку. А она банкрот. Полный ноль на всех

счетах. И нигде, даже под самую дикую ставку, кредит не дадут — месяц, как попала в чернейший из списков.

«Проси у вселенной максимум», — учила ее Елена. И она просила.

Куратор лично редактировала список желаний. Весело смеялась над школьной еще мечтой — открыть маленькое ателье.

«Те, кто ставит скромные цели, всегда будет считать копейки и бороться за выживание, — внушала наставница. — К черту швейную мастерскую. Дом моды! Верь в себя, тогда и другие поверят!»

И все ведь получилось. Было по-настоящему классно: собственный кабинет, секретарша в предбаннике, и на светофоре все головы в ее сторону.

Получить первый кредит оказалось несложно. И второй. И третий. Ну и пусть она должна сотни тысяч — все отобьется, когда дебютная коллекция прогремит.

И даже сейчас, когда прекрасное королевство рушилось, она ни о чем не жалела. Елена права: лучше промелькнуть яркой кометой, чем всю жизнь влачиться. А дожить до старости и нищенствовать на пенсионные копейки — глупо и примитивно.

Эвакуатор с любимым «мерсиком» выехал со двора, зеваки разошлись. Она еще раз взглянула на телефон. Принц так и не позвонил.

Но он ведь был в ее жизни, так что все не зря.

Открыла коробочку с таблетками, налила шампанского. Белые шайбочки обрастают пузырьками, растворяются элегантно. Желание быть всегда молодой в ее списке тоже имелось, шло под номером восемь.

Сейчас сбудется и оно.

Встряхнула бокал и залпом выпила.

* * *

Официально присутствовать на тренировках родителям запрещалось, но кто хотел — пробирались. Пригибались, прятались за скамейками, по два-три часа сидели на холодном полу, подглядывали в щелку, грелись чаем из термоса.

Хоккей — спорт для мужчин, если по головке гладить, чемпиона не воспитаешь. Тренеры на детей постоянно орали. А если крик не помогал, горе-воспитатели проявляли изобретательность — так достучаться, чтоб провинившиеся надолго запомнили.

Месяц назад она впервые увидела «наказание по-тарасовски» — ледащего пацана (по счастью, не Юрочку) поставили безо всякой вратарской защиты в ворота и метали в него шайбами, пока не упал, не начал рыдать.

А сегодня и ее мальчику прилетело — за то, что посмел три раза подряд не попасть в створ. Сначала получил от тренера клюшкой по руке, а дальше отправили ползать по-пластунски — по всему кат-

ку. Товарищи по команде с удовольствием ржали. Родители в своем укрытии довольно громко перешептывались, что поделом, Юрка — увалень, давно его гнать пора.

Она сжалась в комок, прикусила губу до крови. Своих-то детей жалели, когда тренер бесчинствовал. Один папаша вообще психанул: выбежал на лед, тряс за грудки, обещал братков и прокуратуру. Но Юрочку беречь некому. Возила его няня, процессом не интересовалась, все тренировки просиживала в буфете.

И пусть сколько угодно говорят, что в спорте нельзя иначе и характер воспитывается наказаниями, — до чего больно смотреть, как Юра, весь в ледяной крошке, ползет из последних сил, а тренер и остальные громко хохочут.

Наплевала на конспирацию, встала в полный рост, выкрикнула: «Ну вы и сволочи!»

Выбежала в слезах.

Сколько еще ей придется платить — за одну роковую, глупую, считай, детскую ошибку?

* * *

Митя проснулся посреди ночи — а на него огромная луна смотрит. Точно в окно уставилась. Глаз прищурила. Мама говорила: на самом деле, это не глаз, а море. Только заполнено не водой, а вулканической лавой. Но все равно страшно.

Когда луна полная, мама всегда шторы плотно задергивала. Но теперь мамы нет, а тете Люсе все равно.

И пить хочется. На ужин были котлеты, ужасно соленые, даже папа жаловался, но тетя Люся отрезала: «Я здесь при чем? Фарш такой».

Митя вспомнил, как мама вертела ручку мясорубки, добавляла потом всякое разное, соль сыпала аккуратненько, по щепоточке, и спросил:

— Вы разве не сами делали фарш?

— Сынок, помолчи, — попросил папа.

А тетя Люся сразу орать:

— Я что тебе тут, разносолы наворачивать буду? Не нравится — ходи голодный.

— Можно я себе хлеба пожарю?

— Еще чего! Потом за тобой сковородку оттирать два часа?!

Папа скривился, но Митю поддержать даже не подумал — и к тетке Люсе, виновато:

— Не обращайтесь внимания. Переживает малец.

— Да понимаю, конечно, — поджала губы соседка. — Но и мне обидно. Целый день крутишься, а только одни претензии.

Обернулась к Мите, сказала строго:

— Носиться с тобой теперь некому.

— Есть кому! — У Мити сразу слезы из глаз. — Мама скоро поправится! Вернется! И все станет по-старому!

— Конечно, Митя, поправится. — Голос у папы лживый.

А тетка Люська усмехается гнусно.

Почему они все не верят? Мама молодая. Когда «Скорая помощь» приехала, выглядела, будто задремала. Как спящая красавица из фильма. И врач сказал: сердце бьется. Значит, все нормально будет. Тем более мамочка к нему приходит, просит потерпеть, совсем недолго. Обещает: скоро вернется, пирожков любимых ему напечет.

Митя послушно ждет, терпит. Но как же хочется пить после пересоленных котлет! И луна страшная, щурится на него, подмигивает.

Взял мишку Тоби любимого, крепко обнял. Одеялом с головой укрылся. Лето, форточка приоткрыта, ветер рвется, завывает, и еще всякие звуки. Может, ветки скребут по окну, а может, кто страшный лезет. Его любимый пес Арчи во дворе скулит жалобно, а сюда не позовешь, в теплую шерсть носом не зароешься. Тетка Люська сказала сразу: собаку уличную в доме она не потерпит. Хотя он не уличный совсем, а джек-рассел, мама ему мыла лапы, а потом разрешала в кровати спать.

Закутался еще плотнее, забрался под подушку. Но не уютно стало, а только хуже: вдруг чудовище неведомое с улицы уже в спальню прокралось и подбирается к постели, пока он не видит?

К маме бы, да хоть к злой соседке — только под теплый, взрослый, безопасный бочок! Но тетка Люська уже ушла, а к отцу не пойдешь — наругает. Скажет, что нельзя нюнить.

Уткнулся в свалывшуюся шерсть медвежонка Тоби и зарыдал в полный голос. Мама бы давно прибежала. Но папа в гостиной только телевизор погромче сделал.

* * *

Данг снова проснулась от того, что плачет ребенок. Два часа ночи. Полная луна смотрит в окно.

Села на кровати, прислушалась. Соседка по комнате посапывает, за обеими стенками тишина. Девочки иногда засиживались, шумели — но не после субботы, когда клиентов сплошной поток, а в воскресенье еще больше будет. Да и рыдал именно малыш, а у них в общаге детей не имелось.

Значит, опять сон.

Злые люди на родине иногда называли ее *манг-кукулам*, черной колдуньей. Но это они от зависти. На самом деле Данг сроду с куклами вуду не баловалась, ни на кого злых заклятий не наводила. Но необычное в ней имелось. Вещие сны видела. Особенно в полнолуние. Мудрая бабушка советовала: никому про дар свой не рассказывать,

а то ведь и камнями могут забить. Но трудно удержаться, если знаешь: в твоих руках чья-то судьба.

До чего жалко мальчонку! Видит ребенка ярко, во всех деталях: худенький, бледный, слезы ручьем. И кто его мама, она знает. Нельзя равнодушно отвернуться. Оставишь ребенка в беде — навек себе карму испортишь.

* * *

Были времена, когда Таня Садовникова чуть ли не все выходные проводила в спа-салонах. Любая новинка в Москве появится — сразу на себе тестировать. Массажы самые причудливые, лазеры, водорослями обертывалась, на флоатинге расслаблялась, в капсулы красоты залезала.

Отчим Валерий Петрович над любимой падчерицей посмеивался:

— Будешь у меня самая ухоженная старушка в Москве.

Поначалу Таня вскипала, возмущалась: следить-то за собой надо, а стареть она вообще не собирается.

Но с годами к бесконечному самоусовершенствованию охладела. Лучше утренней пробежки и здорового сна все равно ничего не придумали. А если уж ходишь омолаживаться, то только к проверенным мастерам.

Взять хотя бы ее филиппинскую массажистку — Данг. Не больше минуты по спине проскользят легкие пальчики, и сразу нащупывает проблему. Забитый трицепс. Слегка смещенный позвонок. Воспаленная мышца. Но никакого насилия или болевых ощущений — разминает мягенько, осторожно.

И в общении приятная. Охота Тане поболтать — всегда поддержит беседу. Но если видит, что клиентка не в настроении, работает молча.

Садовникова ходила к своей любимой мастерице второй год и как-то после массажа, расслабленная и одновременно взбодренная, вздохнула:

— Ох, Данг, уедешь домой — что без тебя делать буду?

— Я здесь еще три года, мадам.

— Надо мне свой отпуск под твой подстроить.

— Не волнуйтесь, мадам. В отпуск я тоже не поеду. Все дни к вашим услугам. Только в четверг выходной.

Таня даже чашечку с правильным травяным чаем оставила:

— Данг, ты с ума сошла? Как можно работать — четыре года без отпусков?

— Я бы хотела и на пятый остаться, если контракт продлят.

— Ты что, одинокая?

Лицо растеклось в нежной улыбке:

— Нет, мадам. У меня есть сын. Дочь. Еще дочь. Школьники. Но мы с мужем хотим построить свой дом, а на Филиппинах это очень дорого. Поэтому я вынуждена зарабатывать.

— Но дети вырастут без тебя!

— Мы каждый день общаемся по скайпу, я их вижу. И другого выхода у меня все равно нет.

Таня взглянула на массажистку внимательно: на жалость, что ли, хочет пробить, чтобы чаевых в следующий раз больше оставили?

Но смуглое спокойное лицо выражало одно лишь смирение и полную покорность судьбе.

Садовникова спросила:

— А в Москве тебе нравится?

— Не знаю, мадам.

— То есть как?

— Я здесь ходила только в торговый центр и однажды в поликлинику.

— Даже на Красной площади не была?

Данг смутилась:

— Я хотела. Но испугалась заблудиться в вашем метро.

— Ну нет, — решительно сказала Садовникова. — Это уже перебор.

И (как часто в ее жизни бывало) приняла спонтанное решение:

— Со следующего четверга начну тебя образовывать. Для начала покажу Кремль. И поужинать куда-то в приличное место сходим.

Данг отступила:

— Как вы сказали, мадам?

— Я хочу показать тебе свой любимый город.

Карие глаза сверкнули недоумением:

— Но мадам! Зачем вам это надо? Свое собственное время на меня тратить?

И голос настороженный стал. Таня рассмеялась:

— Данг, не волнуйся. Никаких черных помыслов я не держу. Банальное русское гостеприимство. Это же безобразие: второй год здесь живешь, а в Москве даже не видела ничего.

И в ближайший четверг ушла с работы пораньше. Подхватила у салона принаряженную Данг и повезла — сначала на Красную площадь, потом кормить — в «Доктора Живаго», тоже с видом на Кремль.

Филиппинка поначалу держалась скованно — то ли за лесбиянку Татьяну принимала, то ли еще какую злодейку с тайными намерениями. Но краеведческие рассказы (Садовникова к экскурсии готовилась, освежала в памяти матчасть про Кутафью и прочие башни) слушала с интересом, а когда пельмени ресторанные попробовала, опешила:

— Мы вроде точно такие ели. Из пачки. Но они совсем другие на вкус.

Таня весело объяснила:

— В России два вида пельменей. Заморожен-

ные, в магазине — это гадость. А в хорошем ресторане — произведение искусства.

— Они здесь просто удивительные, — похвалила Данг.

Глубоко выдохнула и спросила — голос решительный:

— Мадам! Вам что-то нужно от меня?

— Господи, Данг! Да что с тебя взять?

— Я не верю, что вы привели меня в ресторан просто так.

— А ты поверь. Я поставила себя на твое место. Каково, когда все близкие за тридевять земель? Ты безвылазно или в салоне, или в общаге своей. Это ж свихнуться можно. А у меня все равно вечер свободный.

— Мадам. Вы очень добрая.

— Можешь меня Таней называть?

— Таня, — старательно повторила филиппинка, — приходите в следующий раз пораньше. Я буду стараться дополнительный массаж вам делать.

— Данг, да расслабься ты! Я не за выгоду — а от души. Будешь русскую водку пробовать?

Опять испугалась:

— Нет, нет! Мне завтра на работу.

— Ну а я за рулем. Тоже не буду. Ты на балете когда-нибудь была?

— Н-нет.

— В следующий раз ходим.

* * *

С тех пор минимум раз в месяц Таня свою массажистку вытаскивала — просвещаться в Третьяковку, восторженно ахать в Большом театре, визжать на американских горках. Данг пыталась деньги совать, свою долю, но Татьяна спросила:

— Ты сколько в месяц получаешь?

Массажистка ответила.

— Я — в пять раз больше, — пожала плечами Таня. — Детей нет, дом не строю. Так что не забивай себе голову. Ты ничего не должна. Мне просто приятно тебя порадовать.

Данг взглянула внимательно. С виду простушечка, но глаза словно насквозь просвечивают. Садовникова спокойно перенесла «рентген» — скрывать нечего.

А массажистка торжественно произнесла:

— Хорошо, Таня. Я приму твое добро. Но, пожалуйста, больше никогда не оставляй мне чашечек. И когда я вернусь домой, на Филиппины, пообещай, что приедешь и будешь моим первым и самым почетным гостем.

— Договорились, — пообещала Садовникова.

В салоне никто про их дружбу не знал — общаться с клиентами в неформальной обстановке массажисткам запрещалось контрактом. Но телефонами девушки обменялись. Таня взяла с Данг

слово: если вдруг какая, не дай бог, беда, обязательно позвонить.

— Ты иностранка, язык не знаешь. Для тебя проблема неразрешимая, а мне — две секунды решить.

— Спасибо, Танья. Конечно.

Впрочем, Садовникова была уверена: гордая филиппинка и так тяготится, что за чужие деньги развлекается. Даже если с ней что приключится — беспокоить не станет.

Но Данг позвонила.

* * *

В контракте написано строго: «Обсуждать клиентов категорически запрещается», но что еще делать, когда время свободное? А «окна» у мастеров имелись, особенно в будни. И подслушать, о чем между собой болтают, некому — администраторы все равно только английский язык понимают.

Клиентку по имени Женья (русскую букву «я» никто из девушек произносить не умел) дружно именовали *inahin* — что означало «курица». Вечно встрепанная, шарфик криво, без косметики, волосы в хвостик. И телефон во время сеанса не отключала. Отзывалась, правда, только на звонки сына (на него детская мелодия стояла). Отрывала от массажа собственное время, терпеливо слушала, давала указания. А однажды мальчика (лет